

ГУБЕРНАТОР

Литературная композиция на основе рассказа “Губернатор” Леонида Андреева
(при создании композиции также использованы фрагменты рассказов “Великан”, “Так было”, пьесы “Царь Голод” Леонида Андреева и тексты Франсиско Гойи из серии “Капричос”).

Автор литературной композиции: Светлана Щагина

Действующие лица:

Губернатор
Супруга Губернатора, Марья Петровна
Сын губернатора, Алексей
Дочь Губернатора, Зизи
Гувернантка
Лакей в доме губернатора
Девочка, подруга Зизи
Козлов Лев Андреевич, чиновник по особым поручениям
Архиерей
Судак Илиодор Васильевич, полицмейстер
Полицейские агенты, двое
Рабочий Егор, старик
Настасья Сазонова, мать убитого ребенка, сошедшая с ума
Рабочий с завода, муж Настасьи
Гимназистка, написавшая письмо губернатору
Офицер, приятель сына губернатора
Ангелы
Женщины с Канатной улицы
Монахини
Гимназистки
Солдаты

А также артист, находящийся вне сцены, который читает закадровый текст

Пустая сцена. Черный занавес. Слева и справа ("с неба") спускаются лестницы, по ним вниз спускаются два ангела-истребителя. На сцене ангелы снимают доспехи, которые с грохотом падают. Ангелы уходят - один направо, другой - налево. Открывается занавес - вверх. Спальня губернатора. Губернатор стоит у кровати, лицом в зал. Меряет шагами маленькую спальню. Раз, два, три.

ГУБЕРНАТОР : Алеша. Алеша.

Меряет шагами маленькую спальню. Раз, два, три. Взмахивает платком. Меряет шагами маленькую спальню. Раз, два, три.

ГУБЕРНАТОР. Вот так ходят губернаторы.

Садится на кровати. Ложится. Пытается уснуть. Какие-то посторонние, мешающие сну звуки, ультразвук звук прекращается, губернатор засыпает. Снова появляются ангелы, курят, подходят к кровати спящего, один ангел забирает у спящего платок, кладет на письменный стол, возвращается.

ГУБЕРНАТОР (*просыпается во сне, протягивает руку*): Прощение? Вы с прощением?

Ангелы расстреливают губернатора в постели. Начинается главная музыкальная тема. Выходит гимназистка со скакалкой. Становится в центре авансцены. Начинает прыгать и считать прыжки (до 47), покуда не собьется.

ГИМНАЗИСТКА. Раз, два , три, четыре, пять, шесть, семь, восемь....

ТИТР 1 (вслух): ГУБЕРНАТОР

ТИТР 2 (вслух): История в 11 эпизодах с прологом и эпилогом

Когда гимназистка перестает прыгать - выходят монтировщики, костюмеры гримеры и т.д., начинается смена декораций на кабинет губернатора. Выносят стол, где лежит платок.

ТИТР 3: ПРОЛОГ

ТИТР 4: (вслух, движение титров снизу вверх): Эта история произошла в городе N. в 1905 году, во времена Первой русской революции. После

“Кровавого воскресенья” - расстрела императорскими войсками мирной демонстрации рабочих - в России началась волна массовых выступлений против монархии. Итогом выступлений стала конституция, даровавшая гражданские свободы на началах неприкосновенности личности, свободы совести, слова. Был учреждён Парламент, состоящий из Государственного Совета и Государственной Думы. Интеллектуальная Европа выступила с резкой критикой преступлений царизма. За революцией последовала реакция. Были изменены правила выборов в Государственную думу для увеличения числа лояльных монархии депутатов. Социальное напряжение, вызвавшее Первую русскую революцию, не было разрешено, что определило предпосылки для последующего революционного выступления 1917 года.

Команда костюмеров переодевает губернатора в мундир и прочее - расходятся. Слуга Сократ помогает губернатору натянуть сапог.

ТИТР 4 (вслух/ЗАКАДР): ЭПИЗОД 1. ЗА МЕСЯЦ ДО СМЕРТИ

ТИТР 5 (вслух): Кабинет губернатора.

Губернатор меряет шагами комнату. По периметру. 1,2,3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 - И ТАК 3-4 РАЗА. Доходит до стола, берет платок, делает “ножки” - идет пальцами.

ГУБЕРНАТОР. Вот так ходят губернаторы.

Лакей появляется из-за шторы. Выбирается наружу.

ГУБЕРНАТОР. Не приезжал?

ЛАКЕЙ. Никак нет, ваше превосходительство.

ГУБЕРНАТОР. Когда приедет, скажи, я буду в зале.

ЛАКЕЙ. Слушаю, ваше превосходительство

ЗАКАДР 1. Уже пятнадцать дней прошло со времени события, а он все думал о нем - как будто само время потеряло силу над памятью и вещами или совсем остановилось, подобно испорченным часам. О чем бы он ни начинал размышлять - о самом чужом, о самом далеком, - уже через несколько минут испуганная мысль стояла перед событием и бессильно колотилась о него, как о тюремную стену, высокую, глухую и безответную.

Губернатор подходит к окну. Разбитые стекла. Губернатор порезался.

Пошел к столу перемотать платком рану.

ГУБЕРНАТОР Никому и в голову не пришло, что стекла нужно вставить. Скажешь - сделают, а не скажешь - сами никогда пальцем не пошевелинут. Сегодня же вставить стекла. Безобразие!

ЛАКЕЙ. Слушаю, ваше превосходительство.

Начинается закадр.

ЗАКАДР 2. Сам по себе факт был очень прост, хотя и печален: рабочие с пригородного завода, уже три недели бастовавшие, всю свою массу в несколько тысяч человек, с женами, стариками и детьми, пришли к нему с требованиями, которых он, как губернатор, осуществить не мог, и повели себя крайне вызывающе и дерзко: кричали, оскорбляли должностных лиц, а одна женщина, имевшая вид сумасшедшей, дернула его самого за рукав с такой силой, что лопнул шов у плеча. Потом, когда свитские увели его на балкон, - он все еще хотел сговориться с толпой и успокоить ее, - рабочие стали бросать камни, разбили несколько стекол в губернаторском доме и ранили полицмейстера. Тогда он разгневался и махнул платком.

Солдаты и гимназистки на сцене. Солдаты стреляют в зал ТРИ РАЗА. Гимназистки аплодируют. Губернатор стоит у стола с платком.

ЗАКАДР 3. И вот с этого мгновения для него как будто остановилось время и наступило то, чему он не мог прибрать имени и объяснения. Это не было раскаяние, - он признавал себя правым; это не было и жалостью. Он спокойно, как о фигурах из папье-маше, думал об убитых, даже о детях; сломанными куклами казались они, и не мог он почувствовать их боли и страданий. Но он не мог не думать о них, он продолжал видеть их ясно - эти фигурки из папье-маше, эти сломанные куклы - и в этом была страшная загадка, что-то похожее на чародейство, о котором рассказывают няньки.

И для всех людей со времени события прошло четыре - пять - семь дней, а для него как будто и часа не прошло, и он все еще там, в этих выстрелах, в этом взмахе белого платка, в этом ощущении чего-то бесповоротно совершающегося - бесповоротно совершившегося. Точно он жил в комнате, где тысячи дверей, и какую бы он ни пробовал открыть, за каждой встречает его один и тот же неподвижный образ: взмах белого платка, выстрелы, кровь.

Чиновник особых поручений Козлов, уже с полминуты стоящий на пороге со связками подарочных коробок в руках в ожидании внимания губернатора, скромно подкашливает.

ГУБЕРНАТОР. *(прячет платок)* Ах, это вы, Лев Андреевич! Наконец-то, я вас заждался.

КОЗЛОВ. Простите, Петр Ильич, но в этом дрянном городишке ничего не достанешь.

ГУБЕРНАТОР. Ну, едем, едем. Да, послушайте! Почему это во всех наших присутственных местах такая грязь? Возьмите нашу канцелярию. Или был как-то я в жандармском управлении - так ведь это что же такое! Ведь это же кабак, конюшня. Сидят люди в чистых мундирах, а кругом на аршин грязи.

КОЗЛОВ. Денег нет.

ГУБЕРНАТОР. Вздор! Отговорки! А это, вы взгляните, что же это такое. Это же мерзость.

КОЗЛОВ. Петр Ильич! Да кто же вам мешает переделать по-своему. Ведь уж сколько раз я предлагал это вашей супруге, Марии Петровне, и ее превосходительство вполне разделяет...

ГУБЕРНАТОР. Не стоит.

Жена губернатора сидит в центре в дезабилье, она делает себе укол в вену на ноге, рядом девочка лет десяти.

ЗАКАДР.

Жена губернатора, красавица Марья Петровна, любящая Петербург и светское общество, в провинциальном городе N. скучала. По ее собственным словам - "увядала в забытии, в расцвете лет". И муж, вечно занятый непонятными делами государственной важности, добрый, милый, но не приспособленный к светской жизни, не мог и не хотел развеять ее скуки. Одна, под присмотром подслеповатой гувернантки, в баловстве и сиротстве росла их дочь, десятилетняя Зизи. И уже который год развлекал Марью Петровну чиновник особых поручений Лев Андреевич Козлов, который лучше мужа научился понимать ее вкусы, прихоти и желания.

СОКРАТ *(неразборчиво)*. Но, пошла!

ГУБЕРНАТОРША. Зизи, малышка, сейчас будем играть в доктора. Мама болеет. Доктор прописал ей витамины. Отвернись, не смотри на маму. А вечером, как папа вернется с работы, будем танцевать и пускать фейерверки. Мы наденем лучшие платья, мама будет веселая, мама будет танцевать. *Мизансцена меняется. На задник транслируют кадры дороги. Губернатор и Козлов садятся на ящик на авансцене. Слуга Сократ усаживается на край авансцены (в центре). Едут.*

ТИТР (ВСЛУХ). ЭПИЗОД 2. ДОРОГА НА ДАЧУ

ЗАКАДР 4. (после того, как сел Сократ)

Дорога на дачу шла через окраину города, по Канатной улице, где в полуразвалившихся лачугах жили заводские рабочие с семьями и городская беднота. Улица была пуста, как ночью, и даже не видно было детей. Летом попадались на улице куры и грязные поджарые поросята, но теперь не было и их, - очевидно, трехнедельная голодовка подобрала все.

Жались друг к другу домишки с дырявыми крышами, потом шел пустырь, остатки забора, забитый колодец... Опять домишки и три подряд голых, кирпичных корпуса, с редкими ввалившимися окнами. Они еще новы, но уже грязны, запущены. Они похожи на тюрьму, и жизнь в них должна быть такая же тоскливая, безнадежная, замкнутая, как в тюрьме.

Пауза.

С ободранного тополя внезапно оторвался желтый дырявый лист и, кружась, поплыл книзу - и сразу вихрем в голове губернатора закружились: взмах белого платка, выстрелы, кровь. Встают ненужные подробности: как он готовил платок для сигнала. Он заранее вынул его из кармана и, зажав в комок, держал в правой руке; потом осторожно расправил его и быстро махнул, но не вверх, а вперед, словно бросал пули. И вот тогда он и перешагнул через что-то, через какой-то высокий, невидимый порог, и железная дверь с громким скрипом железных петель захлопнулась за ним - и нет возврата.

КОЗЛОВ. Да, кстати. Встретил сегодня Судака...

ЗАКАДР Судаком в городе называли полицмейстера за выпученные как у рыбы глаза.

КОЗЛОВ. ...говорит, что вчера последнего раненого выписали. Самого тяжелого, почти никакой надежды не было, что поправится. А вот поди ты... Удивительно живучий народ. Да, кстати, у меня в молодости по военной части случай был...

На сцену вывозят столы с "трусами".

ЗАКАДР 5. Убитых было много - сорок семь человек; из них девять женщин и трое детей, почему-то всё девочек. Раненых было еще больше. Вопреки настояниям окружающих, подчиняясь чувству какого-то странного, неудержимого и мучительного любопытства, губернатор поехал смотреть убитых, сваленных в пожарном сарае третьей полицейской части. Конечно, не нужно было ездить; но, как у человека, сделавшего быстрый, неосторожный и бесцельный выстрел, была у него потребность догнать пулю и схватить ее руками, и казалось, что если он сам посмотрит на убитых, то что-то изменится к лучшему.

Губернатор смотрит убитых, за его спиной - полицмейстер Судак, за Судаком - агенты, в стороне ото всех - архиерей.

ГУБЕРНАТОР. Однако много!

СУДАК Тридцать пять мужчин, девять женщин и трое детей, ваше превосходительство.

ГУБЕРНАТОР. Детей трое?

СУДАК Трое, ваше превосходительство. Тут есть разные лица, ваше превосходительство.

Пауза.

СУДАК. Осмелюсь спросить, прикажете заказать гробы, ваше превосходительство, или же в братскую?

ГУБЕРНАТОР. Какую братскую?

Один из агентов пытается объяснить - Судак грубо обрывает его.

СУДАК. Это, ваше превосходительство, роется такая большая яма...

Губернатор подходит к архиерею, который стоит в стороне.

АРХИЕРЕЙ. Злодеи, ваше превосходительство, а вы - умиротворитель.

ГУБЕРНАТОР. Злодеи-то - злодеи. А я бы, ваше преосвященство, будь я на вашем месте, отслужил бы панихиду по убиенным.

АРХИЕРЕЙ. На всяком месте свои терния. Я вот на вашем месте, ваше превосходительство, совсем и стрелять-то бы не стал, дабы не утруждать духовенство панихидами, да ведь что же поделаешь: злодеи!

АРХИЕРЕЙ. Не утруждайте себя, ваше превосходительство, не утруждайте.

СУДАК. Так в гробы... или братскую?

В окно летит булыжник. Слышен женский крик "Убийца детей!".

СУДАК. Виноват, ваше превосходительство, виноват! Ты видал? Глаз с него не спускать! И чтобы ни один волос! А не то....

Солдаты увозят трупы. Судак уходит. Агенты садятся к Сократу. За губернатором и Козловым ставят экран. Козлов произносит конец последней фразы....

КОЗЛОВ ...А он, Петр Ильич мне и отвечает: а я Ваше благородие, даже и не заметил... Удивительно живучий народ.

СОКРАТ. Но, пошла!

Появляются агенты. Садятся рядом с Сократом.

ГУБЕРНАТОР. Кто эти двое?

КОЗЛОВ. Охрана.

ГУБЕРНАТОР. А зачем это?

КОЗЛОВ. Не знаю. Судак все старается. Да Вы не берите в голову, ваше превосходительство.

ЗАКАДР 6.

В городе через несколько дней после расстрела воцарилось полное спокойствие. Рабочие тогда же приступили к работам; прошли спокойно и похороны. Из Петербурга губернатор получил высокое и лестное одобрение, - казалось бы, что на этом все должно закончиться и перейти в прошлое. Но оно не переходит в прошлое. Оно неподвижно стоит в мозгу - этот труп прошедших событий, лишенный погребения. Каждый вечер он настойчиво зарывает этот труп в могилу; проходит ночь, наступает утро - и снова перед ним, заслоня собою мир, неподвижно стоит окаменевший образ: взмах белого платка, выстрелы, кровь.

Агенты рассуждают о том, что городу ползут слухи, будто губернатор будет убит.

АГЕНТ 1. Но почему же все думают, что он будет убит? И кто убьет его?

АГЕНТ 2. Бомбой убьют.

АГЕНТ 1. Н-ну, бомбой?

АГЕНТ 2. Ну да, бомбой, а то как же. На клочки разнесет.

АГЕНТ 1. Говорят, что на девятый день.

АГЕНТ 2. Нет, зачем на девятый день. Это суеверие, девятый день. Убьют просто утром.

АГЕНТ 1. Когда?

АГЕНТ 2. В то воскресенье, через неделю.

АГЕНТ 1. Понимаешь?

АГЕНТ 2. Они уж маху не дадут, нет, не таковские.

АГЕНТ 1. Не. Какой там мах! Дело чистое, четыре туза.

АГЕНТ 2. Хлюст козырей.

АГЕНТ 1. Понимаешь?

АГЕНТ 2. Ну да, понимаю.

АГЕНТ 1. А если понимаешь, так выпьем еще? Уважаешь ты меня, Ваня?

ЗАКАДР. Мимо, согнувшись, прошел какой-то человек. Снимая для поклона картуз, закрыл локтем лицо, и губернатор увидел только затылок и загорелую, молодую шею и заметил, что шагает человек осторожно и неслышно, как босой, горбится и прячется в себя и спина его словно смотрит назад. *"Какой неприятный и странный человек",- подумал губернатор.*

ГУБЕРНАТОР. Послушайте. Ведь этот человек...

КОЗЛОВ. Какой человек?

ЛАКЕЙ (*неразборчиво*). Тпру!

ТИТР (ВСЛУХ). ЭПИЗОД 3. ПРОВОДЫ. ПОСЛЕДНИЙ РАЗГОВОР С СЫНОМ

ЗАКАДР 7. На подъезде к даче губернатора сразу охватило осенней свежестью и солнечным теплом, и небо было милое: нежное, далекое, неожиданное и прелестно голубое. На следующее утро уезжал в Петербург сын губернатора - Алексей - и знакомые собрались проводить его.

Было много веселых игр, смеха и песен, а после танцев на реке обещали устроить фейерверк. Но губернатору было тяжело и тоскливо в этой суете. С

женой они дружны давно уже не были, душевные и прочие родственные разговоры между ними как-то сами собой иссякли и уже который год они поддерживали лишь видимость существования, называемого “семья”.

Перестановка на “Дача. Проводы сына”. Выезжает длинный стол, сервированный к обеду. Губернатор сидит за столом и думает. К нему подбегает дочка, целует в щеку. Агенты встают, дочка губернатора толкает их к детскому столику, который уже накрыт. Козлов стоит с подарками для губернаторши по другую сторону стола. Судак ест и пьет. Звучит вальс. Губернаторшу поочередно вальсируют сын губернатора, Козлов. Губернаторша приглашает мужа на вальс, после садится на край стола спиной к мужу, смотрит на чиновника Козлова. Дочка подбегает к губернаторше, обнимает за шею. Та отмахивается. В стороне от всех - архиерей. Также на сцене скромно сидят монахини. У задника стоят солдаты.

ГУБЕРНАТОРША (сыну, во время вальса). Алеша, твой рара беспокоит меня, он такой угрюмый... Прошу, поговори с ним...

СЫН. Хорошо, тата. Я и сам собирался это сделать.

ОФИЦЕР. ГОСПОДА! МЫ С АЛЕКСЕЕМ УЕЗЖАЕМ ЗАВТРА В ПЕТЕРБУРГ, НО ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ Я БЫ ХОТЕЛ ПОДНЯТЬ БОКАЛ ИГРИСТОГО ЗА ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО. ЗА УМИРОТВОРИТЕЛЯ И ДОБЛЕСТНОГО ЗАЩИТНИКА ГОРОДА! ЗА ГЕРОЯ ОТЕЧЕСТВА! ВЫПЬЕМ, ГОСПОДА! ПЕТР ИЛЬИЧ, ДОРОГОЙ, ЗА ВАС! УРА!

ГУБЕРНАТОРША. Pierre, милый Pierre, ты что-то неважно выглядишь, дорогой. Он неважно выглядит, Лев Андрееич? Pierre, ну что с тобой, ты не заболел? Может доктора? Ну что ты глядишь букой? Тебе надо отдохнуть, милый, тебе необходим покой. Ты слишком много работаешь, Pierre. Лев Андреевич, Вы очень плохой человек, Вы совершенно не следите за моим мужем. Ах, Pierre, как ты изменился! А сейчас мы все пойдем к реке и будем пускать фейерверки!

КОЗЛОВ. У нас есть река!

ГУБЕРНАТОРША. Алеша, Лев Андреевич, пойдемте к реке.

Козлов и губернаторша уходят в танце, губернаторша по дороге теряет тифельку, которая остается лежать на авансцене у стола. Дочка едет на агенте 1, как на лошадке.

СУДАК. Ах, ваше превосходительство, какой волшебный праздник!

ГУБЕРНАТОР. Послушайте, Илиодор Васильевич, зачем вы ко мне приставили какую-то охрану? К чему это?

СУДАК. Злодеи злоумышляют на вашу священную жизнь, ваше Превосходительство, и помимо прочего, я обязан...

ГУБЕРНАТОР. Я знаю это, Илиодор Васильевич, то есть догадываюсь. Но не думаю, чтобы было серьезно.

СУДАК. Очень даже серьезно, ваше превосходительство. Весь город трубит, даже удивительно, до чего трубит. Я уже троих в части выдержал, да не те попались.

Возвращаются Козлов и губернаторша, которая, увидев туфельку, радуется находке и изнемогая, падает на стул, пытаясь надеть туфельку. Судак пытается ей помочь.

СУДАК. Я в невозможном положении, ваше превосходительство Марья Петровна. От охраны их превосходительство решительно отказываются и даже не позволяют ни об чем говорить; полицейские, извините за выражение, с ног сбились, ходивши за их Превосходительством...

СУДАК. А ведь так любой мерзавец из-за угла или даже через забор камнем может ушибить их превосходительство. В случае не дай Бог чего скажут: полицеймейстер виноват, полицеймейстер не уследил, а что же я могу поделать против священной воли их превосходительства? Войдите в мое положение, ваше превосходительство, прямо, извините за выражение, хоть в отставку подавать, ваше превосходительство.

КОЗЛОВ. А у меня идея, Ваше превосходительство, следующая: пусть Ваше превосходительство возьмет двух- или трехмесячный отпуск и уезжает себе спокойно за границу ... на воды... на предмет поправки здоровья, а, Ваше превосходительство?

ГУБЕРНАТОРША. Я прошу тебя, Pierre. Ты знаешь, как у меня плохи почки, и мне положительно необходим Карлсбад.

КОЗЛОВ. Петр Ильич... дорогой, соглашайтесь, мы просим...

ГУБЕРНАТОР. Но разве ты не можешь поехать одна, без меня?

ГУБЕРНАТОРША. Ах, нет, Pierre, что ты говоришь. Молодая, свежая женщина

едет одна-одинешенька?... И потом без тебя я буду так беспокоиться. Я прошу тебя.

КОЗЛОВ. Мы просим, Петр Ильич.

ГУБЕРНАТОРША. Мы можем выехать уже завтра, вечерним поездом. Ну же, Pierre!

ГУБЕРНАТОР. Ну, хорошо, хорошо, я подумаю.

Губернаторша падает на руки к Козлову, они удаляются в бешеном вальсе.

К губернатору подходит архиерей, тихо говорит по книге.

АРХИЕРЕЙ. Удивительно, опыт погибших не идет впрок тем, кто стоит на краю гибели, ничего тут не поделаешь, все погибнут.

ЗАКАДР. Разговора с любимым сыном Петр Ильич ждал, хотя и боялся, так как давно уже разошелся с ним во взглядах. Но теперь именно эта разность взглядов могла оказаться полезной.

К губернатору подходит сын.

СЫН. Что ты все хмуришься, милый папа?

ГУБЕРНАТОР. Вздор! Я ничего. Ты не волнуйся... Но дело в том, видишь ли, что меня смущает этот случай, ну, с рабочими.

СЫН. Но ведь ты же получил одобрение из Петербурга?

ГУБЕРНАТОР. Да, конечно, и я очень счастлив, но... Алеша, сынок! Ведь они же не турки? Они свои, русские, всё Иваны да тезки - Петры, а я по ним, как по туркам? А? Как же это?

СЫН. Они бунтовщики.

ГУБЕРНАТОР. Алеша! ведь на них кресты, а я, - по крестам!

СЫН. Насколько мне известно, ты никогда, папа, не придавал особенного значения религии. При чем тут кресты? Это хорошо для какого-нибудь приказа по полку, что ли, а...

ГУБЕРНАТОР. Конечно, конечно, не в крестах тут дело. А я о том, что свои.

Понимаешь, Алеша, свои. Будь я немец, Август Карлович Шлиппе-Детмольд, а то ведь Петр, да еще Ильич.

СЫН. Ты что-то путаешь, папа. При чем тут оказались немцы? Наконец, если хочешь, немцы тоже стреляли в немцев, французы во французов, и так далее. Отчего же русским не стрелять в русских? Как государственный

деятель ты должен понимать, что в государстве прежде всего порядок, и кто бы ни нарушал его, безразлично. Нарушь его я, и ты должен был бы стрелять в меня, как в турка.

ГУБЕРНАТОР. Это верно! Это верно. Да ведь с голоду, Алеша! Если бы ты их видел.

СЫН. Зензивеевские мужики тоже с голоду бунтовали, а это не помешало тебе великолепно их выдрать.

ГУБЕРНАТОР. Одно дело выдрать, а другое... Этот дурак разложил их в ряд, как дичь, и я взглянул на их ноги и подумал: никогда эти ноги не будут ходить... Ты не хочешь понять меня, Алексей. Палач - тоже государственная необходимость, но быть им...

СЫН. Что ты говоришь, отец!

ГУБЕРНАТОР. Я знаю, я чувствую это: меня убьют. Я не боюсь смерти, но знаю: *меня убьют*. Я все не понимал, я все думал: но в чем же дело? Но теперь понимаю: меня убьют. Ты не смейся, ты еще молод, но сегодня я почувствовал смерть вот тут, в голове. В голове.

СЫН. Папа, я прошу тебя, выпиши казаков, потребуй денег на охрану. Тебе дадут. Я прошу тебя, как сын, и я прошу тебя от имени России, которой нужна твоя жизнь.

ГУБЕРНАТОР. А кто же убьет меня, как не Россия? И против кого я выпишу казаков? Против России - во имя России?

Появляется лакей с подарками для губернаторши.

ЛАКЕЙ. Куда поставить?

ГУБЕРНАТОР. Уйди отсюда... (снова - сыну). И разве могут спасти казаки, и агенты, и стражники человека, у которого смерть вот тут, во лбу. Ты сегодня немного выпил за ужином, Алеша, но ты трезв, и ты поймешь: я чувствую смерть. Еще там, в сарае, я почувствовал ее, но не знал, что это такое. Это вздор, что я тебе говорил о крестах и о русских, и не в этом дело. Ты видишь платок?

ГУБЕРНАТОР. Вот. Смотри!

ГУБЕРНАТОР. Вот. Вы новые, вы академики, вы ни во что не верите, а я

верю в старый закон: кровь за кровь. Увидишь!

СЫН. Так выходи в отставку, уезжай куда-нибудь.

ГУБЕРНАТОР. Нет. Ни за что! Ты сам понимаешь, что это было бы бегство.

Вздор! Ни за что!

СЫН. Прости, папа, но ведь это же получается такая бессмыслица, ведь это же я не знаю, что такое. Мама охает, ты толкуешь о какой-то смерти - ну из-за чего это? Как не стыдно, папа. Я всегда знал тебя за благоразумного, твердого человека, а теперь ты точно ребенок или нервная женщина. Прости, но я не понимаю этого.

СЫН. Так как же, папа? Ты обижаешься на меня?

ГУБЕРНАТОР. Нет. Я благодарен тебе за твое чувство, и ты хорошо сделаешь, если успокоишь мать. Я же совершенно спокоен и только высказал тебе свои соображения. По-твоему - так, по-моему - иначе, а там увидим. Однако иди спать, тебе пора.

СЫН. Мне еще не хочется. Не пройдемся ли немного по саду?

ГУБЕРНАТОР. Хорошо.

Губернатор и сын выходят на авансцену. Перемена света.

СЫН. Как темно, однако! Ты бы, папа, фонари, что ли, велел поставить!

ГУБЕРНАТОР. Незачем фонари. А вот ты скажи...

СЫН. Ну что?

ГУБЕРНАТОР. Говорит тебе что-нибудь эта темнота?

СЫН. Она говорит, что тебе одному здесь не следует ходить. За любым деревом может кто-нибудь сидеть и подстерегать!

ГУБЕРНАТОР. Подстерегать! Вот и мне она говорит то же. Вообрази, что здесь за каждым деревом сидят люди - невидимые люди - и подстерегают. Их много - сорок семь, сколько было убитых,- и они сидят, слушают, что я говорю, и подстерегают.

СЫН. Охота себя расстраивать!

ГУБЕРНАТОР. Нет, погоди! Вообрази, что и там, в городе, и везде, куда бы я ни пошел, меня подстерегают. Иду я, идет какой-то человек и меня подстерегает. Или сажусь я в коляску, а мимо проходит человек и кланяется - он меня подстерегает.

СЫН. Довольно, папа, идем!

ГУБЕРНАТОР. Вот то-то! А ты не веришь мне. Я тебе говорю - вот она, во лбу.

СЫН. Ну, как знаешь.

Сын уходит. Губернатор остается стоять на авансцене.

ЗАКАДР (ВСЛУХ). ЭПИЗОД 4. БЕЗДНА

ЗАКАДР 8. Однажды в молодости он утопал в быстрой и глубокой реке; и долго потом он сохранял в душе бесформенный образ удушающего мрака, бессилия и втягивающей в себя, засасывающей глубины. И теперь было что-то похожее.

Гимназистка выходит. Выносят экран малый, ставят за ней вертикально.

Начинает скакать на скакалке. Закадр продолжается.

ЗАКАДР 9. Большую часть дня, когда не ездил в город, Петр Ильич проводил в аллеях огромного, в пятнадцать десятин парка, меряя их прямыми, твердыми шагами. Мыслей к нему приходило много, и иногда очень живых и интересных, но не сплетались они в одну крепкую, длинную нить, а бродили в голове, словно коровы без пастуха.

ГУБЕРНАТОР. "Убьют меня, наверное, из револьвера, теперь есть хорошие револьверы. А бомб в нашем городишке и делать не умеют, да и вообще бомбы для государственных деятелей, которые прячутся. Вот Алешу, когда он будет губернатором, убьют бомбой. А прятаться не стану, нет, довольно уже того, что я сделал".

Начинается перестановка на "спальню". Губернатор начинает переодеваться.

ЗАКАДР 10. "Жаль только, что никто не узнает вот этих моих честных и храбрых мыслей" - подумал он. "Все другое знают, а это так и останется. Убьют, как негодяя. Очень жаль, но ничего не поделаешь. И говорить не стану. Зачем разжалобивать судью? Судью разжалобивать нечестно. Ему и так трудно, а тут еще перед ним будут хныкать: я честный, честный".

ЗАКАДР 11. Он впервые подумал о каком-то судье и удивился, откуда его взял, и, главное, взял так, как будто это вопрос давно уже решенный. Словно он уже крепко спал, и во сне кто-то разъяснил ему все, что нужно, про судью и убедил его; потом он проснулся, сон позабыл, объяснения позабыл,

а знает только, что есть судья, вполне законный судья, облеченный огромными и грозными полномочиями. И теперь, после минутного удивления, он принял этого неведомого судью спокойно и просто, как встречают хорошего и старого знакомого.

СОКРАТ. Я честный, честный. Убийца детей. *(плюет)*.

Губернатора переодели, он сидит на табурете в исподнем.

ГУБЕРНАТОР. "Вот Алеша этого не понимает - думал он. По его мнению - все государственная необходимость. Только какая же это государственная необходимость - стрелять в голодных. Государственная необходимость - кормить голодных, а не стрелять. Молод он еще, глуп, увлекается".

ЗАКАДР 13. И вдруг, еще не закончив этой самодовольной мысли, он понял, что ведь это не Алеша стрелял, а он. И точно раскалился воздух и захватил дыхание, и (в голове возникло) одно огромное, чудовищно жестокое, бессмысленное:

ГУБЕРНАТОР. Поздно! Поздно!

Лакей уходит. Длинная пауза, во время которой губернатор пытается заснуть. Параллельно звучит закадр.

Появляются ангелы-истребители. Курят у кровати. Располагаются в комнате. Приходит архиерей, читает по книге. Потом появляются рабочий и женщина с мертвым ребенком. Встают по обе стороны кровати.

Все возникает и двигается в медленном и чутком ритме, как бы ритме сна.

АРХИЕРЕЙ. Будет удаление от лица Божьего, пребывание с дьяволом и бесами его, тьма кромешная, скорбь и печаль непрестанная, глас воздыхания и плача...

РАБОЧИЙ. На, возьми! *(показывает ребенка)*. А правду отдай. Правду отдай.

ГУБЕРНАТОР. Но где же я возьму правду? Какой ты странный.

ЖЕНЩИНА. Детки все перемерли. Детки все перемерли. Детки-детки-детки все перемерли.

ГУБЕРНАТОР. Оттого так и пусто у вас на улице.

ЖЕНЩИНА. Детки-детки-детки все перемерли. Детки.

ГУБЕРНАТОР. Но этого не может быть, чтобы ребенок умер от голода. Ребенок, маленький человек, который сам не умеет открыть дверей. Вы не любите своих детей. Если бы у меня ребенок был голоден, я накормил бы его.

ГУБЕРНАТОР. Да, но ведь у вас оловянные кольца.

Появляется губернаторша и Козлов.

ЖЕНЩИНА. На нас железные кольца.

РАБОЧИЙ. Тело сковано, душа скована. На нас железные кольца.

ЖЕНЩИНА. На нас железные кольца.

ГУБЕРНАТОРША. Как ты переменялся, Pierre!

РАБОЧИЙ. На возьми, а правду отдай.

ГУБЕРНАТОР. Пойди. Пойди. У тебя же есть свои комнаты, и я к тебе не хожу.

КОЗЛОВ. Месяца на два-три на воды! Марья Петровна не возражает!

ГУБЕРНАТОР. Но где же я возьму правду? Какой ты странный.

ГУБЕРНАТОРША. Как ты переменялся, Pierre!

СОКРАТ. Куда?

ГУБЕРНАТОР. Туда!

Дальше - пока как попало.

- Детки все перемерли. Детки все перемерли. Детки-детки-детки все перемерли.

- Пойди. Пойди. У тебя же есть свои комнаты, и я к тебе не хожу.

- Как ты изменился, Pierre!

- На воды! Марья Петровна не против.

ГУБЕРНАТОР (кричит). А-а-а!!!

Все "бесы" разбегаются. Думает, что проснулся. Больше никого в комнате нет, кроме ангелов.

ГУБЕРНАТОР. Прощение?

Закрывается подушкой. Ангелы "расстреливают" губернатора. Уходят. Он просыпается от крика, лежит, встает, вспотевший, как после кошмара, пьет воду.

ЗАКАДР. Ему всегда снился один и тот же сон: он в своей комнате, ворочается, пытается уснуть, но ему не дают - без спросу и предупреждения в его комнату приходят люди - знакомые и незнакомые - и назойливо просят,

требуют от него что-то, чего он выполнить не может... Назойливый и неприятный сон этот раз от разу разрастался, вспухал в его сознании, и часто в маленькую комнату, в которой он безуспешно пытался уснуть, набивалась куча народу, и никуда от них нельзя было деться... пока, наконец, он не выгонял "призраки" безумным отчаянным криком, каким кричат во время ночного кошмара маленькие дети, зовущие маму...

Среди просителей почему-то была его жена, Марья Петровна, и чиновник Козлов, и архиерей, и рабочий с молодым лицом, которого он видел как-то мельком на Канатной улице, и женщина с мертвым ребенком...

Оканчивался сон всегда одинаково: двое молчаливых людей в черных котелках убивали его из револьверов.

Начинается за кадр 14

ЭПИЗОД 5. ЕГОР

ЗАКАДР 14. Через два дня после отъезда сына, в солнечное, безветренное утро губернатор ходил по аллее своего парка и думал. И в том, как он думал, был похож на человека, переходящего вброд широкую и незнакомую реку; то идет он по колени, то надолго исчезает под водою и возвращается оттуда бледный, полузадохшийся.

Думал он о сыне Алексее Петровиче, пробовал думать о службе, о делах, но отовсюду, где бы его мысль ни начиналась, она незаметно прибегала к событию, роясь в нем, как в неистощимом руднике. И даже странно было, о чем он мог думать раньше - до несчастья: все казалось таким пустым, ничтожным, совершенно неспособным вызвать мысль.

С аллеи уже успели смести напавший за ночь желтый лист, и на бороздках от метлы отчетливо ложились следы больших ног, с высоким каблуком и широкой- четырехугольной подошвой - вдавленные следы, точно к тяжести человека прибавилась тяжесть его мыслей и вдавливала его в землю.

Блеснули на солнце стекла оранжереи, треугольник белой стены, как кровью окрапленный красными листьями дикого винограда; губернатор пробрался по тропинке между опустошенных уже парников и вошел в оранжерею. Там был рабочий Егор, старик.

Губернатор встречает в оранжерее старого рабочего Егора.

ГУБЕРНАТОР. А садовника нет?

ЕГОР. Нету, ваше превосходительство. В город уехал, за прививками - нынче пятница.

ГУБЕРНАТОР. Ага! Хорошо идет все?

ЕГОР. Слава Богу.

ГУБЕРНАТОР. Ну как, брат Егор?.. Слышал я, Егор, будто хотят меня убить. За рабочих, знаешь, тогда... Так как же думаешь, старик, убьют или нет? Ты грамотный? Да говори, чего там, наше дело стариковское.

ЕГОР. Кто их знает. Пожалуй что убьют, Петр Ильич.

ГУБЕРНАТОР. А кто же убьет-то?

ЕГОР. Да народ! Общество - по-нашему, по-деревенскому.

ГУБЕРНАТОР. А садовник что говорит?

ЕГОР. Не знаю, Петр Ильич, не слыхал. Оба вздохнули.

ГУБЕРНАТОР. Плохо, значит, дело, старик?

ГУБЕРНАТОР. А я так думал, что надо, то есть, стрелять. Бросают камни, ругаются, чуть в меня не попали...

ЕГОР. От тоски это. Намедни на базаре один пьяный, мастеровой, что ли, кто его знает, плакал-плакал, а потом поднял каменюгу, да как бацнет. От тоски это, не иначе как.

ГУБЕРНАТОР. Убьют, а потом сами пожалеют.

ЕГОР. Пожалеют, это верно. Да еще как и пожалеют-то: горькие слезы прольют.

ГУБЕРНАТОР. Так зачем же тогда убивать? Ведь это же вздор, старик!

ЕГОР. Кто их знает. Народ, стало быть, желает. Да вы не задумывайтесь, ваше превосходительство, мало ли болтают зря. Поговорят-поговорят, а там и сами забудут.

Губернатор как памятник стоит на авансцене.

ГУБЕРНАТОР (*говорит себе под нос*): Убьют.

ГУБЕРНАТОР. Ну, прощай, Егор.

ЕГОР. Будьте здоровы, Петр Ильич.

ГУБЕРНАТОР. Дети есть? На-ка, старик, купишь там себе чего-нибудь.

ЕГОР. Ну, дела...

ГУБЕРНАТОР. Что-то я стал зябок.

ЭПИЗОД 6. КАНАТНАЯ УЛИЦА

Звучит закадр. Начинается перестановка на "симфонию".

ЗАКАДР. "Странные эти люди, - подумал губернатор, рассекая блики и тени пронизанной солнцем аллеи и сам дробясь на светлые и темные кусочки.- Очень странные люди: у них нет обручальных колец, и никогда не поймешь,- женат он или холост. Впрочем, нет, есть кольца: серебряные. Или даже оловянные. Как это странно: оловянные. Человек женится и не может купить золотого кольца в три рубля. Какая бедность. Я не посмотрел: у них в сарае тоже были, вероятно, оловянные кольца. Оловянные с тоненьким пояском посередине, теперь я помню".

Губернатор пошел в зал. Видеокамера следит за ним - трансляция на крайние экраны. На постамент, где недавно стоял губернатор, выходит рабочий с флагом.

РАБОЧИЙ. Ваше превосходительство! Подумайте только: из рода в род, из поколения в поколение, от тех самых первых рабов, которые строили пирамиды, ведем мы свое существование, и как есть среди вас потомственные дворяне, то есть угнетатели, так и среди нас есть потомственные рабочие, то есть, потомственные рабы. И во все эти тысячи лет нас только били и угнетали, и как бы далеко ни заглянул я в прошлое моих предков, я ничего не вижу там, кроме слез, отчаяния и дикости. И все это ложилось на душу, все это в сохранности, как единственный капитал, передавалось от отца к сыну, от матери к дочери, и еще едва только родившись, мы уже тысячекратно обижены, пьем обиду, едим обиду, и одеваемся обидой. И когда пришли к вам рабочие, вы думаете, это кто пришел? Это пришли рабы воскресшие, которые строили пирамиды, пришли со своими тысячелетними мозолями, пришли в слезах - за любовью, как к гуманному человеку XX века, за советом пришли, за помощью, а вы как с ними поступили, господин губернатор?

ГУБЕРНАТОР. Позорно! Позорно. Боюсь, что я негодай.

ИНДУСТРИАЛЬНАЯ СИМФОНИЯ / "ПОЛУСОН" ГУБЕРНАТОРА

Музыка (тема Завод + гудки). Начинается перестановка на симфонию.

Ангелы-истребители начинают стучать по наковальне.

ЗАКАДР Уже на следующее утро после убийства рабочих весь город знал, что губернатор будет убит. Никто еще не говорил, а все уже знали: как будто в эту ночь, когда живые тревожно спали, а убитые все в том же удивительном порядке, ногою к ноге, спокойно лежали в пожарном сарае, над городом пронесся кто-то темный и весь его осенил своими черными крыльями. Все, и друзья губернатора, и враги подчинялись одной и той же непоколебимой уверенности в его смерти. Как будто сам древний, седой закон, смерть карающий смертью, давно уснувший, вдруг открыл свои холодные очи, увидел убитых мужчин, женщин и детей и властно простер свою беспощадную руку над головой убившего. И в это мгновение люди отошли от человека, и стал он доступен всем смертям, какие есть на свете;

Все ниже и ниже, суживая круги, опускалась мысль в глубину; и солнце погасло, и исчезла аллея - стукнул дятел, лист проплыл, и исчезло все; и сам он словно утонул в одном из своих жутких и мучительных полуснов.

Пауза.

Рабочий начинает свой текст.

А

Я рабочий. Меня плющит стальной молот. Он выдавливает кровь из моих жил, он ломает мои кости - он делает моё тело плоским и тонким как кровельное железо. Моё тело протягивают между чугунными валами, и оно становится длинным и узким как проволока. Моё тело - кровельное железо, моя кровь - тонкая проволока. Братья, где моя душа?

В

Я рабочий. Меня кружит колесо. День и ночь визжит пила, разрезая сталь. День и ночь в моих ушах визжит пила, разрезая сталь. Все сны, что я вижу, все слова и песни, которые я слышу - это визг пилы, разрезающей сталь. Что такое земля? Это визг пилы. Что такое небо? Это визг пилы, разрезающей сталь. День и ночь. День и ночь. День и ночь.

С

Я рабочий. Я бью по железу. Я кую собственные цепи. Братья, братья, мы куём собственные цепи. Кто освободит нас от власти машин? Кто уничтожит наши цепи? Кто поднимет нас и покажет нам небо? Покажет нам солнце?

D

Братья, я кашляю кровью, но я улыбаюсь. Я знаю, что на моей крови вырастут цветы, я уже вижу их. Недавно на груди у одной богатой и красивой дамы я видел алую розу - она смеялась, она не знала, что это моя кровь.

Сумасшедший смех женщины.

E

Братья, умирая, я понял, как прекрасна жизнь. Будущая жизнь это будет большой сад, и там будут гулять, не трогая друг друга, и звери, и люди. Не нужно обижать зверей. Не нужно обижать человека. Во имя будущей жизни - цветущего сада - не смейте убивать людей.

Женщина: "Не могу, голубчики, не могу-у-у..." (шепот, повтор, выходит на крик отчаяния)

Но где путь, братья? Где путь? Через насилие - к свободе, через кровь - к милосердию и любви. Другого пути нет? Объясните мне! Объясните мне! Покажите мне путь! Иначе я возьму свой молот и расколю эту землю как пустой орех.

F

Я рабочий. Я больше не боюсь. Я винтик из машины, мне нечего бояться. Я сам - машина. Чью волю я выполняю? Моя голова тупа, я устал смертельно. Лучше смерть, чем такая жизнь.
Лучше смерть, чем такая жизнь.
Лучше смерть, чем такая жизнь.

К бунту, братья! На улицы! Ломайте машины, режьте ремни, заливайте котлы - к бунту, братья. На улицы!
Через насилие - к свободе! Через кровь - к любви и милосердию!

ЗАКАДР.

Быть может, именно в женской голове возникла мысль, что губернатор должен быть убит. Женщины, обычно жалостливые и боящиеся крови, в спорах об убийстве губернатора обнаруживали странную жестокость и непобедимое упрямство: они говорили о смерти как о вещи уже давно и бесповоротно

решенной. Женщины ждали убийства и своим ожиданием наполняли воздух, которым дышали все, которым дышал губернатор.

В пятницу, к концу третьей недели после расстрела рабочих, сошла с ума Настасья Сазонова, у которой была убита семилетняя дочь Саша. Внезапно, когда никто этого не ожидал, она потеряла рассудок.

И выбежала на улицу, а за нею все. На мгновение вся Канатная превратилась в один сплошной бабий вой, и уже нельзя было разобрать, кто сумасшедший, а кто нет. Настасья лежала на дороге, плотно прилегая голой грудью к земле и выставя кулаки скрученных и посиневших рук.

Рабочий машет флагом резко и сильно из стороны в сторону - звуки сильные. Гудение хора. Удары молота. Все стихло.

ТИТР. СКАЗКА ПРО ВЕЛИКАНА, РАСКАЗАННАЯ МЕРТВОМУ РЕБЕНКУ

На сцене Женщина. Она рассказывает мертвому ребенку сказку про Великана.

ЖЕНЩИНА. ...Вот пришел великан, большой, большой великан. Такой большой, большой. Вот пришел он, пришел. Такой смешной великан. Руки у него толстые, огромные, и пальцы растопырены, и ноги тоже огромные, толстые, как деревья, такие толстые. Вот пришел он... и упал! Понимаешь, взял и упал! Зацепился ногой за ступеньку и упал! Такой глупый великан, такой смешной - зацепился и упал! Рот раскрыл - и лежит себе... Ты зачем пришел сюда, великан? Иди, убирайся отсюда, великан!

Сашка такая милая, такая маленькая, такая славная; она так тихонько прижалась к своей мамке, к ее сердцу - к ее сердцу. У нее такие хорошие глазки, милые глазки, ясные, чистые, и все так его любят. Это прежде Сашка - бегала - кричала - ездил на лошадке. Ты знаешь, великан, у Сашки есть лошадка, хорошая лошадка, большая вот с таким вот хвостом, и Сашка больше на ней не ездит, далеко-далеко на речку не ездит и в лес не ездит.

Не может этого быть, не может это быть...

А ты не ходи к нам, великан, тебя никто не звал, глупый великан. Это прежде Сашка шалила и бегала - а теперь она не шалит. Вот теперь она маленькая, а потом она вырастет большой, она будет доброй, и умной, все будут ее любить. И выйдет она на улицу и скажет: "Как хорошо на свете, как хорошо на

свете...Господи!! Как хорошо!!”

Начинается музыка, главная тема.

ЗАКАДР. С завода прибежал муж, испуганный, не успевший отмыть закопченного лица; блуза у него была также закопченная, лоснящаяся от масла, и промасленной грязной тряпкой был завязан обожженный палец на левой руке.

Приходит рабочий, муж Насти. Обнимает ее.

РАБОЧИЙ. Настя! Что это ты? Ну чего?

Ввозят длинный сервированный стол. За него женщины сажают мертвых детей. За столом в центре встают солдаты с ружьями. Целятся в зал.

Выстрел. Во главе стола встает губернатор. Он обращается к мертвым с речью, убеждая снова приняться за работу и прекратить забастовку.

Параллельно речи губернатора звучит за кадр.

ГУБЕРНАТОР. Нужно стать на работу. Прежде чем вы станете на работу, я не могу с вами разговаривать. Я постараюсь что-нибудь сделать для вас.

Становитесь на работу, и я напишу в Петербург.

Хозяева ваши не грабители, а честные люди, и я приказываю вам так не называть их. А если вы завтра же не станете на работу, я прикажу закрыть завод и разошлю вас.

Дети мрут по вашей вине. Становитесь на работу.

Если вы будете так вести себя и не разойдетесь, я прикажу разогнать вас силой. Становитесь на работу.

Выстрел - 3 раза. Потом за кадр, выстрелы не кончаются, пока дети все не уйдут.

ЗАКАДР. И во время страшной трехнедельной голодовки, когда по несколько дней не топилась печь, женщины отдыхали - странным отдыхом умирающего, у которого за несколько минут до смерти прекратились боли.

И хороня детей, умиравших от истощения, и оплакивая их кровавыми слезами, темнея от горя, усталости и голода - женщины в эти дни были кротки и дружелюбны, как никогда: они верили, что не может даром пройти такой ужас, что за великими страданиями идет великая награда. И когда на

площадь, сверкая в солнечных лучах, вышел губернатор, они приняли его за самого седого бога.

Агенты усаживаются за столик с письмами

ГУБЕРНАТОР. Дети мрут по вашей вине. Становитесь на работу.

Если вы будете так вести себя и не разойдетесь, я прикажу разогнать вас силой. Становитесь на работу.

Ангелы разговаривают.

ПЕРВЫЙ. Ты веришь, что скоро наступит свобода?

ВТОРОЙ. Посмотри, вон еще труп.

ПЕРВЫЙ. Их много теперь (плывет по реке. Они плывут в море).

ВТОРОЙ. Я не верю в эту свободу. Они слишком радуются смерти.

ПЕРВЫЙ. Нужно убить власть.

ВТОРОЙ. Нужно убить рабов. Власти нет -- есть только рабство. Вон еще труп и еще. Как их много!

ПЕРВЫЙ. Но ведь они любят свободу.

ВТОРОЙ. Нет, они только боятся бича. Когда они полюбят свободу, они станут свободны.

ПЕРВЫЙ. Пойдем отсюда. Меня тошнит от вида трупов.

ЗТМ. Ангелы не уходят.

Полицейские сидят за столом с грудой писем, читают.

ТИТР (ЗАКАДР): ЭПИЗОД 7. ПИСЬМА

Губернатор остается за столом один. Утро. Звучит закадр.

ЗАКАДР.

К губернатору стали приходит анонимные письма. Они сыпались как из разорвавшегося почтового мешка, и каждое утро на столе вырастала кучка конвертов. И раньше губернатор получал анонимные письма, редко с бранью и неопределенными угрозами, обычно с доносами и жалобами, и он никогда не читал их; но теперь чтение писем стало повелительной необходимостью, такую же, как неумирающая мысль о событии и о смерти.

Агенты читают письма вслух.

ПИСЬМО 1. "Ваше превосходительство! Вы генерал, но и генералы смертны. Одни генералы умирают своею смертью, другие же

насильственной. Вы, ваше превосходительство, умрете смертью насильственной. Имею честь остаться вашим покорнейшим слугою".

ПИСЬМО 2. "Г. губернатор, или, по-настоящему, турецкий паша! Вы вор и наемный убийца, и я мог бы доказать перед всем светом, что за убийство рабочих вы содрали с акционеров кругленькую сумму..."

ПИСЬМО 3.

Убийца детей

Убийца детей

Убийца детей

Убийца детей

Убийца детей

ЗАКАДР. При всем внешнем различии в языке и степени грамотности, содержание писем было утомительно однообразно. К словам: "убийца", с одной стороны, и "доблестный защитник порядка" - с другой, он привык, так часто, почти неизменно повторялись они в письмах; как будто привык он и к тому, что все, и друзья и враги, одинаково верили в неизбежность его смерти. Несколько дней прошло без писем. Во внезапности наступившего безмолвия не чувствовалось конца, как будто в новую фазу вступила мысль и таинственно творила что-то. И быстро шли дни, как взмахи огромных крыльев: вверх взмахнет - день, вниз повеет - ночь.

И когда получилось письмо - последнее запоздалое письмо,- он взял его, как будто только его и ждал, и только удивился тому, что было оно в нежно окрашенном узком конверте с изображением незабудки на обратной стороне. Подписано было: "Гимназистка".

ГИМНАЗИСТКА. "Вчера мне приснились ваши похороны, и я решила писать вам, хотя это нехорошо и оскорбляет тех несчастных рабочих и девочек, которых вы убили. Но вы тоже несчастный человек, достойный сожаления, и поэтому я пишу вам это письмо. Мне приснилось, что хоронили вас (ПРОХОДЯТ ГИМНАЗИСТКИ С ГРОБОМ НА ЗАДНЕМ ПЛАНЕ) не в черном гробу, как стариков и вообще пожилых людей, а в белом, как хоронят девушек, и несли ваш гроб по Московской улице городовые, но не на руках, а на головах. И за гробом шли одни только городовые, а родственников ваших

не было, и вообще не было никого из публики, так что даже окна и калитки, где вас пронесли, были все закрыты ставнями, как ночью (ВЫСТРЕЛЫ). Мне сделалось так страшно, что я проснулась и стала думать, о чем теперь и напишу вам. И я подумала: вероятно, у вас и вправду нет никого, кто мог бы о вас поплакать, когда вы умрете. Те люди, которые вас окружают, черствые эгоисты и думают только о себе, и когда вас убьют, то они будут, мне кажется, даже рады, потому что сами думают о месте губернатора. Вашей жены я не знаю, но не думаю, чтобы в этой среде, заеденной тщеславием и погоней за наслаждениями, могли встретиться чуткие и хорошие женщины. Из честных же людей вас никто провожать не пойдет, потому что все возмущены вашим поступком с рабочими, а от одного человека я даже слышала, что вас хотели исключить из клуба, но только боятся правительства. Панихиды же ничего не стоят, потому что наш архиерей, как вы сами знаете, готов отслужить панихиду и по собаке, только бы ему хорошо заплатили за это. И когда я подумала, что, вероятно, вы сами все это хорошо знаете и без моих слов, то мне сделалось страшно жаль вас, как будто бы я знала вас лично. Видела я вас только два раза: один раз очень давно, на Московской улице, а другой раз на нашем акте, когда вы приезжали с архиереем, но вы меня, конечно, не помните. И клянусь, что буду молиться о вас и буду плакать о вас, как будто я была ваша дочь, потому что мне очень, очень жаль вас.

Р. С. Пожалуйста, сожгите это письмо. Мне очень жаль вас, очень".

ГУБЕРНАТОР (повторяет) Мне очень жаль вас, очень.

ЭПИЗОД 8. ЗА ДВЕ НЕДЕЛИ ДО СМЕРТИ

После ЗТМ к столу идут губернаторша, Козлов, Судак, архиерей. Сократ трет пол. На авансцену (Козлов и архиерей) выносят письменный стол.

КОЗЛОВ. Я, Мария Петровна, предполагаю оклеить новыми обоями все - и залу и гостиную. Английские обои нашел.... Точно такого цвета, как платье Марьи Петровны... И следом - побелить потолки.... Здесь все надо побелить! А вчера заказал новую мебель в гостиную из зеленого дуба. Такую знаете в стиле... декадентскую. Или, если Петр Ильич пожелает, так у его

преосвященства замечательный плотник есть... И гробы делает первый сорт, и сервант очень искусно может сообразить...

Губернатор встает из-за обеденного стола, уходит.

ГУБЕРНАТОРША. Куда же ты, Pierre? Побудь с нами, нам скучно. И сейчас же будет кофе.

ГУБЕРНАТОР. Нет, лучше я пойду к себе. А кофе не хочу.

Выходит на авансцену, садится за стол, ангелы зашторивают "гостей".

ЗАКАДР. Гимназисточку он полюбил. Поздно вечером, уже перед сном, он прошел через темную залу и вышел на балкон, тот самый, откуда он подал знак белым платком. Уже началось осеннее ненастье и слякоть, и чувствовалось, как далеко солнце - как давно оно ушло и как еще не скоро вернется.

В гимназии давно учатся, и она, вероятно, уже приготовила уроки и спит - где-то в этом черном пространстве, полном безмолвия. Оттуда, думал он, шлют ему письма и угрозы, оттуда придет к нему смерть...- но там есть девочка, которая спит и которая будет о нем плакать. Как спокойно, как темно - как тихо!

ГУБЕРНАТОР. Как спокойно, как темно, как тихо.

ЗАКАДР. И скоро судьба послала ему еще одно письмо, подписанное "Рабочий". Впрочем, кроме этой подписи ничто не говорило о человеке мускульного труда, малообразованном и жалком, каким привык представлять их себе губернатор.

ТИТР. ПИСЬМО РАБОЧЕГО

Губернатор читает вслух письмо рабочего.

ПИСЬМО РАБОЧЕГО. "На заводе и в городе говорят, что вы будете скоро убиты. Должен сказать, что я против этого, не потому, конечно, чтобы мне было вас жаль, думаю, что во всём городе никто вас не пожалеет - но просто потому, что по взглядам моим я против убийства, против войны, против смертной казни, политических убийств и вообще всяких убийств. В борьбе за свой идеал, который состоит в "свободе, равенстве и братстве", граждане должны пользоваться средствами, которые не противоречат этому идеалу. Убивать же - это значит пользоваться старым, испытанным средством людей, у которых

девизом служит "рабство, привилегии, вражда". Из плохого ничего хорошего выйти не может, и в борьбе, которая ведется оружием и ненавистью, победителем всегда будет не тот, который лучше, а тот, который хуже, то есть который жесточе, злее, меньше жалеет и уважает жизнь человеческую, неразборчив в средствах, одним словом, подлец.

Господин губернатор. Различие наших положений слишком очевидно, понимания между нами никакого быть не может, но мне все-таки удивительно, что человек образованный и не такой подлец, как другие, вас окружающие, мог так обойтись с несчастными, доверившимися ему людьми, чтобы стрелять в них. У нас на заводе говорят, что вы были подкуплены хозяевами, но я этому не верю, потому что точно знаю, что вы не взяточник и не вор, как другие ваши коллеги, и я убежден даже, что вы вообще честный человек..."

ГУБЕРНАТОР (*реагирует на письмо*). Благодарю, молодой человек. Жизнь мою вы берите, она ваша, но моя честь...

Продолжает читать.

ПИСЬМО РАБОЧЕГО. ...вообще честный человек - и никому не станете причинять зла, если вам не прикажут. Но как же вы, честный человек, можете подчиняться таким подлым приказаниям, вот в чем для меня вопрос. Ведь, хотя вы и генерал и превосходительство, но теперь для всех порядочных людей вы - убийца детей и женщин, понимаете ли вы это?

Милостивый государь! Никакой болтовней о благе государства не может быть оправдано пролитие невинной крови, и как гуманный и образованный человек XX-го века вы не можете этого не понимать. Тяжесть содеянного вами не подсудна суду человеческому, а в Божий суд я не верю, вы, я думаю, тоже. Но я убежден, что отвечать насилием на насилие - значит, лишь бесконечно умножать его, поэтому я и против вашего убийства, хотя о нём все говорят как о деле решённом.

Но если вы всё-таки останетесь живы, генерал, запомните! крепко запомните - народ просыпается! Пока он только еще во сне ворочается, а у вашего дома уже подпорки трещат, а вы погодите, как он совсем проснется! Засим прощайте, и во имя идеала человеческого братства желаю, чтобы вас не убили".

ГУБЕРНАТОР (ложится на стол). Пожалейте меня! Придите же ко мне кто-нибудь, придите. Пожалейте же меня! Пожалейте меня! Придите же ко мне кто-нибудь, придите. *(кричит)* Пожалейте же меня!

Кричит: а-а-а...

Ангелы открывают шторы.

ЭПИЗОД 9. БОМБА

КОЗЛОВ И кухню, и отхожие места перенести подальше, чтобы ни шума, ни запахов, с глаз долой, если можно выразиться. За два-три месяца можно отличный ремонт справить. Да, Марья Петровна? Вернетесь из Карлсбада, - , как говорит Илиодор Васильевич, будет....

СУДАК Волшебный праздник!

КОЗЛОВ Совершенно согласен!

Лакей приносит "посылку" Козлову.

ЛАКЕЙ *(неразборчиво)*. Вот тут принесли Петру Ильичу. Куда?

КОЗЛОВ. Так ему и неси, голубчик, Петру Ильичу, в кабинет, что ты все бродишь по комнатам.

Ангелы закрывают шторы.

Слуга приносит "посылку" губернатору.

ЛАКЕЙ *(неразборчиво)*. Вот тут принесли Петру Ильичу. Куда?

ГУБЕРНАТОР. На стол поставь.

Губернатор открывает коробку, слышно тиканье.

ЗАКАДР.

За две недели до смерти губернатора в губернаторский дом была доставлена посылка. Она оказалась адской машиной, бомбой с часовым механизмом.

Тиканье все нарастает, слуга Сократ ложится на пол, губернатор какое-то время стоит с раскрытой коробкой, слыша один звук тиканья, потом закрывает коробку, держит, прижав, крышку, тиканье прекращается

со звуком, напоминающим взвод затвора винтовки. Тишина. Слуга Сократ уходит, сказав, "Извините".

Медленно и тихо, издалека, начинается музыкальная тема.

ЗАКАДР. Но устроена бомба была плохо, неопытными руками любителя и взорваться никаким образом не могла. И в этой наивности снаряда было что-то тупо-жестокое и устрашающее: точно слепая смерть выпускала щупальцы и шарила ими в потемках.

ЗАКАДР. И никто не заметил, когда это случилось, в тот же день, или немного

раньше, или немного позже - с губернатором произошла странная и решительная перемена. Вроде бы он был все тот же, но стал правдив лицом, и от этого казалось, что лицо у него новое. Оно улыбалось там, где раньше было спокойно, хмурилось, где прежде улыбалось, было равнодушно и скучно, когда раньше выражало интерес и внимание. И так же правдив он стал и в выражении своих чувств: молчал, когда молчалось, уходил, когда хотелось уйти, отворачивался от собеседника, когда тот становился скучен. Как только перестал губернатор быть вежливым, сразу распалась связь, много лет соединявшая его с женою, детьми, окружающими,- как будто только улыбками и поклонами держалась она, а как только их не стало, то и связь исчезла.

ЭПИЗОД 10. ВОСКРЕСЕНЬЕ

Ангелы расшторивают - сцена чиста и пуста. Стол уносят.

ЗАКАДР. Смертельно одинок он был, сбросивший привычный покров вежливости и привычки, и даже не почувствовал этого - словно всегда одиночество было естественным его состоянием, как сама жизнь.

Дима уходит от стола, стол уносят.

ЗАКАДР. И все эти последние дни он ждал. Каждый раз, переступая порог своего дома, он ждал, что обратно его уже не перешагнет и двухчасовая прогулка превратится в бесконечное падение куда-то.

Полицейские агенты появляются у крайних экранов, рассуждают.

АГЕНТ 1. Сегодня опять в городе видели. Так и ходит. Один! Без солдат! И вчера ходил.

АГЕНТ 2. Сам лезет.

АГЕНТ 1. Все равно ничего не поделаешь. Если человек от старости из ума выжил и сам на рожон лезет, то что же с ним поделаешь, скажите, пожалуйста? (Одна форма осталась).

АГЕНТ 2. А Судак?

АГЕНТ 1. Ну что ж Судак? Сам понимает, что мы не ангелы с небеси.

АГЕНТ 2. Это как лошадь на пожаре: ее тащат, а она упирается. Так и сгорит, а не пойдет.

АГЕНТ 1. Не ангелы мы.

Агенты уходят, проходят Козлов с губернаторшей, Зизи с гувернанткой, у всех чемоданы - они уезжают в Карлсбад.

ЗАКАДР. В любую погоду, одетый в генеральское пальто, он неизменно появлялся на улицах - величавый и печальный призрак с размеренными и твердыми шагами, мертвец, ищущий могилы. Прямо по грязи и по лужам шагал он, прямо пересекал улицы. Он мало смотрел по сторонам и никогда не оглядывался назад; и едва ли он видел что-нибудь, поглощенный бездонным черным ожиданием.

Многолюдие главных улиц его утомляло, и он часто углублялся в грязные глухие переулки с деревянными, скользкими мостками вместо тротуаров. Было у него и постоянное желание: заглянуть на Канатную, где жили заводские рабочие, и пройти ее всю, взад и вперед, но осуществить его он так и не решился: это казалось неловко и страшно, страшнее, чем смерть.

Появляются девочки-гимназистки.

Но на одну улицу он заглядывал ежедневно и проходил ее неторопливо. Эта улица вела к женской гимназии, и по утрам, в девятом часу, по ней проходило много гимназисток; Он почтительно и серьезно кланялся девочкам, даже самым маленьким из них, и они конфузливо отвечали. Его близорукие глаза не различали лиц, и все они, и у девочек и у взрослых, стройных девушек, казались ему одинаковыми розовыми лепестками в шапочках. Пропустив последнюю, он тихонько улыбался левым усом и смотрел хитро, а за поворотом снова превращался в призрака, в мертвеца,

ищущего могилы.

Гимназистки бегают, считают "47".

ЗАКАДР. Возвращаясь домой и перешагивая порог, губернатор не ощущал радости и даже не думал, что вот еще на один день он остался жив; он принимал это без размышлений, и ждал следующего дня огромным, темным ожиданием. И пустые, бездеятельные дни проходили страшно быстро, но время не подвигалось вперед: словно испортился механизм, подающий новые дни, и вместо следующего дня подавал старый, все один и тот же.

Девочки бегают, бегают

Смерти он не боялся и представлял ее себе только с внешней стороны: вот в него выстрелят, а он упадет; потом похороны, музыка, несут ордена, и это все. Встретить смерть он хотел мужественно. Не думал он совсем и о том, будет за гробом какая-нибудь жизнь и суд или нет; для него все кончалось здесь. Но однажды ночью - это было за три дня до убийства - ему, вероятно, приснилось что-нибудь очень тяжелое, и проснулся он от собственного глухого и хриплого стона. И, услышав этот свой необыкновенный и страшный голос, встретив перед глазами тьму, почувствовал смертельный ужас и истому. Укрылся одеялом с головой, сжался в узловатый комок, подтянув костлявые колени к лицу, и, точно в одно мгновение пройдя весь обратный путь от старости к детству, - заплакал тихо и горько и стал просить мокрую, теплую, мягкую подушку:

- Пожалейте меня! Придите же ко мне кто-нибудь, придите. Пожалейте же меня!

Гимназистка уходит, погладив губернатора по плечу.

ЭПИЗОД 11 (ЗАКАДР/ВСЛУХ). СМЕРТЬ

К губернатору подходит Рабочий; За спиной губернатора встают ангелы-истребители. Рабочий роняет заточку.

ГУБЕРНАТОР. Что это? Прощение?

РАБОЧИЙ. Извините, ваше превосходительство.

Рабочий убивает губернатора. Уходит. Тело губернатора лежит на полу.

Прибегает гимназистка.

ТИТР. ЭПИЛОГ

Гимназистка скачет на скакалке, читая стихи, когда она сбивается с прыганья, то все равно упорно продолжает читать:

...

человек обращался к воде

обращался к луне

к небу и к земле

молчало небо

молчала земля

днем и ночью я учил

что человека нужно любить

что нужно любить?

я отвечал человека.

Гимназистка садится рядом с телом мертвого человека.

Занавес закрывается.

ТИТР (ЗАКАДР): ЭПИЛОГ.

Ангелы-истребители ползут вверх. Считают 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 ...

